

Австралийская мифология

австралийская мифология, мифология аборигенов Австралии, заселивших этот материк ещё в мезолите и позднем неолите и сохранивших весьма архаическую культуру. А. м. тесно переплетена с ритуальной жизнью австралийских племён и отражает тотемические культы и обряды интичиума (магического размножения животных своего тотема), календарный культ великой матери на севере страны и универсально распространённые обряды инициации.

В рамках обрядов инициации перед юношами, проходящими посвящение в категорию взрослых полноправных членов локальной группы и тотемического сообщества, инсценировались мифы для передачи им основ традиционной племенной мудрости. Некоторые мифы строго соотносятся с ритуалами, являясь их составной частью и символически их дублируя, другие — сравнительно независимы от ритуалов, но включают сакрализованную засекреченную информацию (например, маршруты странствий тотемных предков).

Наряду с эзотерическими мифами, недоступными для непосвящённых, существуют и экзотерические, предназначенные для устрашения непосвящённых или общего развлечения (последние находятся на пути превращения мифа в сказку). Как бы ни соотносились отдельные мифы и ритуалы (см. Обряды и мифы), в принципе их объединяет единая мифологическая семантика, единая символическая система.

Если, например, собственно мифы, посвящённые странствиям тотемных предков, сосредоточены на описании мест, которые они посетили, и следов, которые там оставили (холмы, озёра, корни деревьев и т. п.), то песня в основном направлена на величание тех же героев, а сопровождающая песню ритуальная пляска, изображая в принципе те же странствия, нацелена прежде всего на подражание движениям животного. Изоляция новичков, проходящих обряд инициации, отражается в мифе как уход героя, проглатывание его чудовищем и последующее выплёвывание (или освобождение родственниками из тела чудовища). Сколько-нибудь единой мифологии австралийцев не существует.

Имеется лишь ряд типологически сходных архаических племенных систем.

Представления о космосе как целом развиты слабо, в мифах фигурирует главным образом не макрокосм, а микрокосм (точнее □ мезокосм) в виде кормовой территории локальной группы и её ближайших соседей (иногда локальная группа оказывается хранительницей части мифа, действие в которой происходит на её территории).

Поэтому самые распространенные австралийские мифы носят характер местных преданий, объясняющих происхождение всех сколько-нибудь заметных мест и природных объектов □ холмов, озёр, водных источников, ям, больших деревьев и т. п., которые оказываются «памятником» деятельности мифического героя, следами его стойбища, местом его превращения в чурингу. Маршруты странствий мифологических героев идут большей частью в направлении с севера на юг и юго-восток, что примерно соответствует направлению заселения материка. Действие в австралийских мифах отнесено к особой стародавней мифологической эпохе, которая противостоит текущему эмпирическому времени (см.

Время мифическое). Название мифической эпохи варьируется у различных племенных групп: алтыира □ у аранда, мура □ у диери, джугур □ у алуриджа, мунгам □ у бинбинга и т. д.; у некоторых австралийских племён мифическая эпоха первотворения обозначается тем же словом, что и «сновидение».

В англоавстралийской этнографической литературе термины «dream time» и «dreaming» □ общепринятые обозначения мифического времени. Во времена «сновидения» мифические герои совершили свой жизненный цикл, вызвали к жизни людей, животных и растения, определили рельеф местности, установили обычаи.

Священные предметы, в которые они в конце концов превратились □ естественные (скалы, деревья) или искусственные (чуринги), сохраняют их магическую силу и могут быть средством размножения тотемных животных или источником «душ» новорождённых детей, которые у некоторых племён мыслятся как перевоплощение предков. События времён «сновидения» могут воспроизводиться в снах и обрядах, участники которых в известном смысле отождествляются с изображаемыми предками. У центральноавстралийских племён (например, у аранда и лоритья) мифические герои □ это, как правило, тотемные предки, существа двойной □ антропоморфной и зооморфной природы, прародители и создатели определённой породы животных или вида растений, и в то же время человеческой группы, которая рассматривает данных животных как своего тотема. Почти все тотемические мифы аранда и лоритья строятся по одной схеме: тотемные предки в одиночку или группой возвращаются на свою родину □ на север (реже □ на запад).

Подробно перечисляются поиски пищи, трапезы, стойбища, встречи в пути. Недалеко от родины, на севере, часто происходит встреча с местными «вечными людьми» того же тотема.

Достигнув цели, уставшие герои уходят в нору, пещеру, под землю, превращаясь в скалы, деревья, чуринги. В местах стоянок и особенно в местах смерти (точнее, ухода в землю) образуются тотемические центры.

В некоторых мифах (например, о людях-котах) тотемные герои несут с собой культовые жезлы, которые используют как оружие или орудие для пробивания дороги в скалах (образование рельефа), чуринги и другие культовые предметы. Иногда действующими лицами мифа являются вожди, ведущие за собой группу юношей, только что прошедших обряд инициации; группа совершает на пути культовые церемонии с целью размножения своего тотема. Странствие может принимать характер бегства и преследования: большой серый кенгуру убегает от человека того же тотема, человек с помощью юношей убивает животное, которое затем воскресает, оба (животное и человек) превращаются в чуринги; красный и серый кенгуру убегают от людей-собак, а затем от человека-сокола; двух змей преследуют люди того же тотема; рыб преследует краб, а затем корморан; один из бегущих эму растерзан людьми-собаками и т. д. (неясно, идёт ли в этих случаях речь о животных, людях или существах двойной природы; по большей части, вероятно, имеются в виду последние). Небесные явления не занимают в А. м., в частности у аранда и лоритя, столь большого места, как в развитых мифологиях.

Известный мифологии аранда образ «хозяина неба» (Алтьира, по К. Штрелову) весьма пассивен и не играет существенной роли в мифологических сюжетах. Немногочисленные сказания о небесных светилах включаются в круг тотемических мифов.

Луна (месяц) представляется мужчиной, первоначально принадлежавшим к тотему опоссума. С каменным ножом месяц поднимается на небо, бредёт на запад, затем спускается по дереву на землю.

Наевшись опоссумов, месяц увеличивается в размерах (полнолуние), утомлённый, принимает вид серого кенгуру; в этом виде его убивают юноши, но один из них сохраняет кость кенгуру, из которой снова вырастает месяц (новолуние). Солнце представляется девушкой, поднявшейся по дереву на небо, плеяды — девушками из

тотема бандикута, ставшими свидетельницами церемонии посвящения юношей и по этой причине превратившимися в камни, а затем в звёзды. Некоторые тотемные предки аранда выступают в роли культурных героев.

Во время своих странствий они вводят различные обычаи и обряды. Огонь добывается представителем тотема серых кенгуру из тела гигантского серого кенгуру, на которого он охотится (ср. с карело-финской руной о добывании Вяйнямёйненом огня из чрева огненной рыбы); подобные мифологические сюжеты характерны для примитивного хозяйства, в котором преобладает присвоение человеком готовых плодов природы.

Два человека-сокола, пришедшие с севера в землю аранда, учат других людей пользоваться каменным топором. Забытые людьми брачные правила снова устанавливаются одним из предков тотема кенгуру-древолозов по имени Катукан-кара.

Введение брачных правил приписывается также человеку-эму. Введение обрядов инициации, играющих важную роль в жизни австралийских племён, и связанных с ними обрядовых операций на теле приписывается тотемным предкам — диким котам и ящерицам-мухоловкам. Сказания о странствиях «вечных людей» времён алтьира, ставших впоследствии ящерицами-мухоловками, играют важную роль, приобретая характер антропогонического и отчасти космогонического мифа (см. Антропогонические мифы, Космогонические мифы).

Традиция относит их странствия к наиболее ранним, однако сами сказания знаменуют, по всей видимости, менее примитивную ступень развития мифологии, поскольку речь в них идёт по существу о возникновении «человечества», а не о происхождении какой-то одной тотемной группы. Согласно этим сказаниям, земля первоначально была покрыта морем (концепция, широко распространённая в различных мифологических системах), а на склонах скал, выступающих из воды, кроме «вечных» мифических героев, находились уже так называемые релла манеринья (т. е. «склеенные люди», по Штрелову) или инапатуа (по Б. Спенсеру и Ф. Гиллену) — кучки беспомощных существ со склеенными пальцами и зубами, закрытыми ушами и глазами.

Другие подобные человеческие «личинки» жили в воде и были похожи на сырое мясо. Уже после высыхания земли мифический герой — тотемный предок «ящериц» — пришёл с севера и отделил человеческие зародыши друг от друга, прорезал им глаза, уши, рот и т. п., этим же ножом сделал им обрезание (здесь отчасти отражена идея, что только

обряд инициации «завершает» человека), научил их добывать огонь трением, готовить пищу, дал им копье, копьеметалку, бумеранг, снабдил каждого чурингой (как хранительницей его души), разделил людей на фратрии («земля» и «вода») и брачные классы.

Эти действия позволяют рассматривать данный мифический персонаж как типичного для первобытной мифологии культурного героя-демиурга. Наряду с «эволюционной» мифологической концепцией происхождения людей из несовершенных существ, в некоторых мифах аранда «вечные» герои «эпохи сновидений» выступают и как подлинные прародители людей и животных. Согласно мифу тотемной группы бандикута, из-под мышек некоего тотемного предка по имени Карора вышли бандикуты, а в последующие дни его сыновья — люди, начавшие охотиться на этих бандикотов (ср. рождение великанов из-под мышек Имира в германо-скандинавской мифологии).

Этот антропогонический и одновременно тотемический миф сплетён с мифом космогоническим: в начале времён была тьма, и постоянная ночь давила на землю, как непроницаемая завеса, затем появилось солнце и разогнало тьму над Илбалинтья (тотемный центр бандикотов). Аналогичные сказания о странствиях тотемных предков, имеющиеся и у других австралийских племён, записаны менее полно. У диери и других племён, живших юго-восточнее аранда, вокруг озера Эйр, имеются многочисленные сказания о странствиях мура-мура — мифических героев, аналогичных «вечным людям» аранда, но с более слабыми зооморфными чертами.

Со странствиями мура-мура также связываются образование различных черт ландшафта, введение экзогамии и тотемических наименований, употребление каменного ножа для обрезания и добывания огня трением, «доделывание» несовершенных человеческих существ, а также происхождение месяца и солнца. Мифы о предках не всегда повествуют об их странствиях. Некоторые предки (в т. ч. у аранда) не совершают длительных путешествий.

В частности, у мункан имеется много мифов об образовании тотемических центров после ухода тотемных предков (пульвайя) под землю. Уходу под землю часто предшествуют ссоры и драки между пульвайя с нанесением друг другу увечий и смертельных ран.

Хотя пульвайя представлены как антропоморфные существа, в описании их поведения

отразились наблюдения над образом жизни и повадками животных, а некоторые обстоятельства жизни пульвайя объясняют особенности этих животных (многие из черт физического облика животных мотивируются увечьями, которые были нанесены им тотемными предками ещё в стародавние времена). Отношения дружбы и вражды пульвайя соответствуют взаимосвязям различных животных и растений в природе. В мифах северных и юго-восточных племён Австралии наряду с тотемными предками есть и более обобщённые и, по-видимому, развившиеся позднее образы «надтотемных» мифических героев.

На севере известна старуха-мать (фигурирует под именами Кунапипи, Клиарин-клиари, Кадьяри и т. д.) — матриархальная прародительница, символизирующая плодovitую рождающую землю и связанный с ней (и с плодovitостью, размножением) образ змея-радуги; на юго-востоке — патриархальный всеобщий отец (Нурундере, Кони, Бирал, Нурелли, Бунджиль, Байаме, Дарамулун), живущий на небе и выступающий в роли культурного героя и патрона обрядов инициации. Мать и отец могут принадлежать к различным, иногда сразу к нескольким тотемам (каждая часть их тела может иметь свой тотем) и, соответственно, являться общими предками (т. е. носителями и первоисточниками душ) различных групп, людей, животных, растений. В мифах фигурируют обычно не одна, а несколько «матерей», иногда две сестры или мать с дочерью.

Эти сказания и соответствующий им ритуал связываются с одной из «половин» (фратрий) племени, что допускает и предположение о частичном генезисе образов матерей из представлений о фратриальных прародительницах. У юленгоров, живущих в Арнемленде, мифическими предками являются сестры Джункгова, приплывающие с севера по ими самими созданному морю. В лодке они привозят различные тотемы, которые развешивают для просушки на деревьях.

Затем тотемы помещаются в рабочие сумки и во время странствий прячутся в различные места. Из тотемов появляются десять детей, сначала лишённых пола. Затем спрятанные в траву становятся мужчинами, а спрятанные в песок — женщинами.

Они делают для своих потомков палки-копалки, пояса из перьев и другие украшения, вводят употребление огня, создают солнце, учат потреблять определённые виды пищи, дают им оружие, магические средства, обучают тотемическим танцам и вводят обряд посвящения юношей. Хранительницами ритуальных секретов, по этому мифу, являются сначала женщины, но мужчины отнимают у них свои тотемы и секреты, а прародительниц отгоняют пением.

Прародительницы продолжают путь, образуя рельеф местности, новые кормовые территории и родовые группы людей. Вновь достигнув моря на западе, они отправляются на острова, которые перед тем возникли из вшей, сброшенных прародительницами со своих тел.

Спустя много времени после исчезновения Джункгова на западе появляются две другие сестры, родившиеся в тени за садящимся солнцем. Они завершают дело своих предшественниц, устанавливают брачные классы и вводят ритуал великой матери □ Гунапипи (Кунапипи), в котором частично инсценируются их деяния.

Сестры обосновываются в определённом месте, строят хижину, собирают пищу. Одна из них рождает ребёнка. Сестры пытаются варить ямс, улиток и другую пищу, но растения и животные оживают и выпрыгивают из огня, начинается дождь.

Сестры пытаются танцами отогнать дождь и страшного змея-радугу, который приближается к ним и проглатывает сначала тотемных животных и растения («пищу» сестёр), а затем □ обеих женщин и ребёнка. Находясь в брюхе змея, сестры мучают его. Змей выплёвывает сестёр.

При этом ребёнок оживает от укуса муравьев. Сестры Ваувалук (так их называют юленгоры и некоторые другие племена) представляют собой своеобразный вариант тех же матерей-прародительниц, воплощающих плодородие. В образе змея-радуги, широко известном на большей части территории Австралии, объединяются представления о духе воды, змее-чудовище (зародыш представления о «драконе»), магическом кристалле (в нём отражается радужный спектр), употребляемом колдунами.

Проглатывание и выплёвывание змеем людей связано (как и у других народов) с обрядом инициации (символика временной смерти, обновления). Р. М. Берндт находит в проглатывании змеем сестёр также эротическую символику, связанную с магией плодородия. В одном из мифов племени муринбата (и в соответствующем ритуале) старуха Мутинга сама проглатывает детей, которых ей доверили ушедшие на поиски пищи родители.

После смерти старухи детей живыми освобождают из её чрева. У племенной группы

мара имеется сказание о мифической матери, убивающей и съедающей мужчин, привлечённых красотой её дочерей.

Такой облик, казалось бы, мало согласуется с традиционным мифологическим представлением о могучей прародительнице. Однако не только у австралийцев, но и у других народов (например, у индейцев квакиютль; по материалам Ф. Боаса) миф о злой старухе-людоедке связан с представлением о посвящении юношей в полноправные члены племени (у австралийцев) или мужского союза (у индейцев). В некоторых мифах змей-радуга сопровождает большую мать в её странствиях.

У муринбата радужный змей под именем Кунмангур сам выступает предком, отцом отца одной и отцом матери другой «половины» племени. Он делает всех людей и продолжает следить за ними. Сын Кунмангура насилует своих сестёр, а затем смертельно ранит отца.

Кунмангур странствует в поисках тихого места, где бы он мог исцелиться. В отчаянии он собирает весь огонь, принадлежавший людям, и, бросая в море, тушит его. Другой мифический персонаж вновь добывает огонь (идея обновления).

Мифы о радужном змее и матерях-прародительницах тесно связаны со сложной обрядовой мистерией, устраиваемой до начала дождливого сезона в честь матери-земли Кунапипи, воплощающей плодородие. Образ племенного «великого отца» у юго-восточных племён, хорошо изученных ещё А. Хауиттом, выводится С. А. Токаревым из несколько более примитивных образов — олицетворения неба (типа Алтыра у аранда), тотема фратрии, культурного героя, патрона инициации и духа-страшилища, превращающего мальчиков во взрослых мужчин (в него верят только непосвящённые), в которых имеется зародыш представления о божестве-творце. Почти все они фигурируют в качестве великих предков и учителей людей, живших на земле и впоследствии перенесённых на небо. Великий отец Бунджиль у племени кулин рисуется старым племенным вождём, женатым на двух представительницах тотема чёрных лебедей.

Само имя его означает «клинохвостый орёл» и одновременно служит обозначением одной из двух фратрий (вторая Ваанг, т. е. ворон). Бунджиль изображается создателем земли, деревьев и людей.

Он согревает своими руками солнце, солнце согревает землю, из земли выходят люди и начинают танцевать ритуальный танец корробори. Таким образом, в Бунджиле преобладают черты фратриального предка – демиурга – культурного героя.

У племён юго-восточного побережья (юин и других) высшим существом считается Дарамулун, у камиларои, вирадьюри и юалайи Дарамулун занимает подчинённое положение по отношению к Байаме. Согласно некоторым мифам, Дарамулун вместе со своей матерью (эму) насадил деревья, дал людям законы и научил их обрядам инициации (во время этих обрядов на земле или на коре рисуют Дарамулуну, звук гуделки символизирует его голос, он воспринимается как дух, превращающий мальчиков в мужчин). Имя Байаме на языке камиларои связано с глаголом «делать» (по Хауитту), что как бы соответствует представлению о демиурге и культурном герое.

У. Мэтью связывает этимологию этого имени с представлением о семени человека и животного, а К. Лангло-Паркер утверждает, что на языке юалайи это имя понимается только в значении «великий»; юалайи говорят о «времени байаме» в том же смысле, как аранда об «эпохе сновидений». В стародавние времена, когда на земле жили только звери и птицы, с северо-востока пришёл Байаме с двумя своими жёнами и создал людей частью из дерева и глины, частью превратив в них зверей, дал им законы и обычаи (конечная мотивировка всего – «так сказал Байаме»). Мэтью приводит миф вирадьюри и вонгабои о том, что Байаме вышел в странствие в поисках дикого мёда вслед за пчелой, к ноге которой он привязал птичье перо (ср.: важнейшее «культурное» деяние скандинавского Одина – добывание священного мёда). У целого ряда племён Байаме является средоточием всех посвятительных обрядов, главным «учителем» новичков, проходящих суровые посвятительные испытания.

Литература :

Народы Австралии и Океании, М., 1956;

Мифы и сказки Австралии. Собраны К. Лангло-Паркер, пер с англ., М., 1965;

Ранние формы искусства, М., 1972;

Мелетинский Е. М., Поэтика мифа, М., 1976, с. 236–44;

Strehlow C., Die Aranda- und Loritja-Stämme in Zentral-Australien, TI 1–3, Fr./M., 1907–10;

Spencer B., Gillen F. J., The Arunta, a study of a stone age people, v. 1, L., 1927;

Strehlow T. G. H., Aranda traditions, Melbourne, 1947;

Howitt A. W., The native tribes of South-East Australia, L., 1904;

McConnel U., Myths of the Munkan, Melbourne, 1957;

Radcliffe-Brown A. R., The rainbow serpent myth in Australia, «Journal of the Royal anthropological Institute of Great Britain and Ireland», 1926, v. 56;

Berndt R. M., Kunapipi. A study of an Australian aboriginal religious cult, Melbourne, 1951;

Berndt R. M., Djanggawul, Melbourne, 1949;

Stanner W. E. H., The dreaming, в кн.: Australian signpost, Melbourne, 1958, p. 51–65;

Stanner W. E. H., On aboriginal religion, Sydney, [1964];

Австралийская мифология

Автор: admin

06.11.2011 02:38 -

Songs of songmen. Aboriginal myths retold by W. E. Harney and A. P. Elkin, Melbourne L., 1949.